

ВЯЛКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА: ПАДЗЕІ – ФАКТЫ – ЛЮДЗІ

И. Н. Кузнецов

«БЕЛОРУССКИЙ КАТЫНСКИЙ СПИСОК»: ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА И УВЕКОВЕЧИВАНИЯ ПАМЯТИ ЖЕРТВ СОВЕТСКИХ РЕПРЕССИЙ

Катынский расстрел – массовые казни польских граждан (в основном пленных офицеров польской армии), осуществленные весной 1940 г. сотрудниками НКВД СССР. Как свидетельствуют опубликованные в 1992 г. документы, расстрелы производились по решению «тройки» НКВД СССР в соответствии с постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года. Согласно обнародованным архивным документам, всего было расстреляно около 22 тыс. польских пленных. В 1990 г. советский президент М. Горбачев передал польской стороне список 14 552 офицеров польской армии, которые были расстреляны и похоронены на территории СССР – в России и Украине [1, с. 23–24].

«Белорусский список» – одна из не раскрытых тайн в истории массового расстрела польских граждан весной 1940-го. То, что должно было быть расследовано и изучено в рамках «Катынского дела», так и осталось без должного внимания Главной военной прокуратуры России.

Согласно решению Политбюро от 5 марта 1940 г., как это видно из обобщающей записки председателя КГБ А. Шелепина (подготовленной в 1959 г.), в тюрьмах Украины и Белоруссии было расстреляно 7 305 польских граждан, арестованных в период с сентября 1939 г. по апрель 1940 г. на территории Польши, захваченной Красной армией [2, с. 65]. Принципиальным их отличием от военнопленных польских офицеров, сконцентрированных в трех лагерях (Козельском, Осташковском и Старобельском) и расстрелянных в Смоленске, Калинин и Харькове, было то, что арестованные органами НКВД в этот период граждане Польши содержались рассредоточенно в тюрьмах управлений НКВД по западным областям Украины и Белоруссии.

И аресты, и расправа над ними были обусловлены сталинской теорией о «классовых врагах». Согласно решению Политбюро от 5 марта 1940 г., расстрелу подлежали члены различных «контрреволюционных шпионских и диверсионных организаций, бывшие помещики, фабриканты, бывшие польские офицеры, чиновники и перебежчики».

По точно таким же критериям и классовым признакам в годы Большого террора в 1937–1938 гг. происходили расправы над гражданами СССР и иностранцами. То есть Сталин вновь прибег к своему излюбленному методу массового расстрела, но теперь уже на новых, захваченных СССР западных территориях. Советизация этих земель в сталинском исполнении непременно включала и социальную селекцию, и чистку посредством арестов и расстрелов, и массовые депортации «классово-чуждых элементов».

Весной 1994 г. в Киеве в архиве Службы безопасности Украины (СБУ) был обнаружен и передан Генеральной прокуратуре Польши поименный алфавитный список 3 435 заключенных тюрем западных областей Украины с указанием номеров предписаний, по которым их отправляли на расстрел. Он был опубликован в Польше, и за ним закрепилось название: «украинский список». Что собой представлял этот многостраничный документ? Прежде всего, это сопроводительное письмо от 25 ноября 1940 г. к перечню 3 435 личных тюремных дел, которые пересылались на постоянное хранение в учетно-архивный отдел НКВД в Москву. К письму прилагался перечень дел, в котором содержались фамилии расстрелянных и номера поступивших из НКВД предписаний, согласно которым они были казнены весной 1940 г. [3, с. 43–44].

Разумеется, существовал и аналогичный «белорусский список», ведь дела расстрелянных польских граждан в Белоруссии тоже переслали в Москву для постоянного хранения. И в этом списке должны быть 3 870 человек. Но список этот до сих пор в архивах не найден. Не выяснен и вопрос о том, где и в каких городах проходили эти расстрелы. Сегодня можно с уверенностью утверждать, что какая-то, может быть, очень небольшая часть расстрелов польских граждан, приговоренных к смерти на основе решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г., осуществлена в Москве.

В директиве комиссара госбезопасности 3-го ранга В. Меркулова от 22 февраля 1940 г., адресованной руководителям областных управлений НКВД, приказывалось всех сотрудников польской государственной полиции, тюремщиков, разведчиков, «провокаторов», осадников, а также судебных работников, находящихся в Старобельском, Козельском и Осташковском лагерях, перевести в тюрьмы в распоряжение местных органов НКВД. В результате исполнения этой директивы в Минск помимо пленных польских военнослужащих было этапировано и около 2 тыс. сотрудников польской государственной полиции [3, с. 256].

Буквально через месяц, 22 марта 1940 г. Л. Берия подписывает приказ № 00350 «О разгрузке тюрем НКВД УССР и БССР». В этом документе в частности предписывалось из тюрем западных областей Белорусской ССР перевезти в Минскую тюрьму 3 000 арестованных. Из них из Брестской тюрьмы – 1 500 человек; Вилейской тюрьмы – 550 человек; Пинской тюрьмы – 500 человек; Барановичской тюрьмы – 150 человек [3, с. 135–136].

Для оказания помощи НКВД БССР в организации перевозок арестованных предписывалось откомандировать начальника отделения Главного тюремного управления НКВД СССР, капитана госбезопасности Чечева. Наркому внутренних дел БССР, комиссару государственной безопасности 3-го ранга Л. Цанаве предписывалось работу по перевозке арестованных из тюрем западных областей БССР в Минскую тюрьму закончить в декадный срок. Кроме этого, заместителю наркома внутренних дел СССР комкору Масленникову и начальнику Главного управления конвойных войск, комбригу Шаранову предписывалось выделить необходимое количество конвоя и обеспечить все условия для недопущения побега представителей «польского контингента».

Согласно этому приказу ответственность за обеспечение порядка при транспортировке возлагалось на командира 15-й бригады конвойных войск НКВД, полковника П. Попова. Следует отметить, что данное подразделение внутренних войск было создано 13 апреля 1939 г. приказом НКВД СССР № 00206. В состав 15-й отдельной бригады входили: 226-й конвойный полк (Минск), 131-й (Гродно) и 136-й (Смоленск). Чуть позже в состав бригады вошли 132-й (Брест) и 137-й (Барановичи) отдельные батальоны конвойных войск НКВД СССР [4, с. 67].

В это же время на имя народного комиссара путей сообщения СССР Л. Кагановича из НКВД СССР приходит секретное сообщение: «Необходимо вывезти в десятидневный срок заключенных из западных областей БССР в город Минск – 3 000 человек. Для этой цели НКВД СССР просит Вашего распоряжения выделить по заявкам НКВД УССР и БССР оборудованные вагоны под людские перевозки из следующих дорог: Брест-Литовской железной дороги – 100 вагонов; Белостокской – 23 вагона; Западной – 32 вагона с назначением в город Минск...» [3, с. 282].

Вообще-то точный ответ на вопрос, сохранился ли «белорусский список», должен содержаться в многотомном деле расследования Катынского преступления (дело № 159), которое вплоть до 2004 года вела Главная военная прокуратура России. Но есть ли там этот ответ, предприняла ли Главная военная прокуратура необходимые шаги к поиску «белорусского списка» – мы до сих пор не знаем. Увы, важнейшие документы этого дела до сих пор числятся секретными. И это вопреки обещаниям, данным после Смоленской катастрофы на самом высоком уровне в апреле 2010 г.. Россия саботирует рассекречивание оставшихся 35 томов из 183-томного дела. Дело № 159 о расстрелах в 1940 г. польских граждан закрыто Главной военной прокуратурой, важнейшие вопросы, а их немало – остаются невыясненными.

И все же архивный поиск дает некоторые основания, позволяющие не только делать предположения, но и постепенно распутывать нить, ведущую к «белорусскому списку», находить имена расстрелянных людей. Так называемый белорусский катынский список нашла катыновед, профессор Н. Лебедева, которая входит в состав Польско-Российской группы по сложным вопросам. В списке, который скрывали 72 года, – фамилии 1996 поляков, вывезенных НКВД в Минск, где они, вероятно, были расстреляны по приказу Сталина и Берии [4, с. 49]. Список был найден в Российском государственном военном архиве в фонде 15-й конвойной бригады войск НКВД, которая в 1940 г. размещалась на территории Беларуси и перевозила заключенных в Минск.

Польскому изданию Н. Лебедева передала список из 1 996 фамилий людей, которые были вывезены из тюрем НКВД в Бресте, Пинске, Барановичах, Гродно, Белостоке и других городов на территории, занятой Красной армией до 5 марта 1940 г. В списке, заполненном от руки, – имена, фамилии и отчества заключенных, а также информация, куда и откуда их перевозили. В целом в Минск с конца марта по июль перевезли 1 800 из 1 996 человек. По мнению Лебедевой, 99 % были расстреляны в то же самое время, что и офицеры в Катыни, Твери и Харькове [4, с. 202].

Пока же для установления фамилий заключенных белорусских тюрем, расстрелянных в Минске в апреле – начале июля 1940 г., кое-что можно сделать по материалам конвойных войск. Только в двух книгах учета особых конвоев 15-й бригады, хранящихся в Российском государственном военном архиве (РГВА), значится более 1 700 особо опасных государственных преступников, доставленных в Минск особыми конвоями.

В польской организации «Карта» эти дела хранятся уже более 20 лет, но на них за это время никто не обратил внимание при составлении списка расстрелянных узников западнобелорусских тюрем. Это две амбарные книги, представляющие собой два сводных списка «особо опасных государственных преступников», перевезенных «особыми конвоями». В них писарь каллиграфическим почерком свел воедино огромное количество предписаний по конвоированию отдельных групп лиц из одного города в другой и отчетных документов об их исполнении.

В каждой записи в них фигурирует: номер по порядку (первая и вторая книги начинаются каждая с № 1); фамилия, имя и отчество «особо опасного преступника»; когда и от кого поступило распоряжение о конвоировании; пункты отправления и назначения; номер распоряжения и его дата; каким порядком совершалось конвоирование (в отдельном тюремном вагоне, в отдельной тюремной камере тюремного вагона); звание, фамилия и инициалы начальника особого конвоя; когда и каким конвоем отконвоирован; когда доставлен к месту назначения.

Если сведения повторялись (откуда и куда везли, каким конвоем, фамилия начальника конвоя и т.д.), ставились кавычки. В отдельных случаях это привело к неясности – откуда и куда везли следующий конвой. Иногда допускались неточности в написании отдельных фамилий (писарь мог не разобрать почерк оригинального предписания по конвоированию или сам допустил опisku). Имеется несколько сбоев и в нумерации листов. Так, в первой книге в одном случае нумерация ста листов повторяется дважды, есть не столь большие погрешности и в нумерации на других страницах, а также во второй книге. В результате страниц больше, чем пронумеровано, как и количество отконвоированных. Имена и отчества нередко даны в русской версии – не Ян, а Иван и т.д.

В соответствии с этими книгами в марте 1940 г. 15-я бригада доставила в Минск всего 110 человек, в апреле – 319, в мае – 707, в июне – 468, в начале июля – 169. Эта динамика доставок характерна и для украинской расстрельной операции. Конвои, относящиеся ко второй половине июля – сентябрю 1940 г., касаются в основном литовских и латвийских государственных политических и партийных деятелей, вывезенных еще до «вхождения» Литвы и Латвии в СССР и репрессированных советскими властями. Многие из них исчезли бесследно, т.е. тоже были расстреляны [5, с. 305–306].

Среди тех, кого конвоировали, подавляющее большинство поляков. Имеются еврейские, русские и белорусские фамилии приблизительно в той же пропорции, что и в «украинском списке». Абсолютное большинство мест

отправления конвоев – города и местечки Западной Белоруссии. С марта до 13 июля 1940 г. местом назначения конвоев в 97 % случаев был Минск. За это время туда были отправлены из Бреста 301 человек, Гродно – 261, Барановичей – 167, Молодечно – 132, Ломжи – 131, Глубокого – 108, Червения – 106, Белостока – 97, Вилейки – 83, Пинска – 76, Лиды – 64, Слуцка – 36, Ивенца – 35, Орши – 31, Бреслава – 21, Ошмян – 19, Чижева – 18, из других мест – 15 [3, с. 112].

Таким образом, отконвоированными в Минск значатся в двух книгах 1 701 человек. Однако в отдельных случаях узники фигурировали дважды или не были обнаружены в тюрьме и поэтому не доставлены, но это скорее единичные записи, которых не более 30. Понятно, что в Минской тюрьме в течение нескольких месяцев невозможно было содержать одновременно около 1 700 человек. Конвоев же из Минска в другие города всего семь, причем пять из них – по одному человеку, один конвой – из двух заключенных [3, с. 118].

В соответствии с записями в первой и второй книгах 15-й бригады подавляющее большинство фигурирующих в ней заключенных было вывезено в Минск по распоряжению НКВД БССР, его 1-го Спецотдела, зам. наркома внутренних дел БССР или его помощника. Многие заключенные были отконвоированы и по указаниям западнобелорусских областных УНКВД или их 1-х Спецотделов.

Напомним, что именно 1-й Спецотдел НКВД СССР курировал всю операцию по расстрелу военнопленных офицеров и полицейских трех спецлагерей и заключенных тюрем. Начальник же 1-го Спецотдела НКВД СССР Л. Ф. Баштаков вместе с В. Н. Меркуловым и Б. З. Кобуловым входил в «тройку» тех, кто подписывал расстрельные списки-предписания. Таким образом, наличие во многих случаях в книгах учета конвоев упоминаний 1-го Спецотдела – еще один аргумент в пользу версии, что заключенных тюрем везли в Минск именно на расстрел.

Но даже доставка заключенных в Минск еще не исключала того, что в последний момент кого-то могли посчитать важным для дальнейшего следствия в отношении участников подполья или по другим соображениям и не расстрелять. Ведь и в случае офицеров и полицейских из трех спецлагерей не были расстреляны 395 человек из 14 500, т.е. более 3,3 % [5, с. 469]. По узникам тюрем этот процент мог быть даже несколько выше из-за оперативных интересов следственных органов. Если в Минске должны были расстрелять 3870 человек, почему же в первой и второй книгах учета конвоев 15-й бригады не значатся еще более 2 тыс. заключенных? Это предстоит выяснить.

Не исключены следующие варианты:

1) в число особо опасных преступников включали лишь тех, кто принимал участие в подпольном движении в западных областях Украины и Белоруссии или являлся крупным государственным, политическим или партийным

деятелем. Соответственно, именно их перевозили особыми конвоями. Другие же категории заключенных в книги учета особых конвоев с особо опасными преступниками не вносились;

2) имелись книги, в которых велся учет других категорий конвоируемых (скажем, врачей, учителей, инженеров, адвокатов, имевших чин офицеров запаса, рядовых полицейских, пограничников и т.д., не уличенных в антисоветской деятельности). У этих книг срок хранения мог быть временный, и после его истечения они уничтожались;

3) к конвоированию «особо опасных преступников» могли быть подключены после завершения расстрела военнопленных офицеров и полицейских еще какие-то части конвойных войск, например, обслуживавшая Старобельский лагерь 16-я бригада и Осташковский лагерь – 19-я бригада. Кроме того, не исключено, что в Минской тюрьме еще осенью 1939 г. и в начале 1940 г. были сосредоточены несколько сот лиц, подлежащих расстрелу, которые и были там же расстреляны.

Чтобы реконструировать список тех узников тюрем Западной Белоруссии, которые могли быть расстреляны в апреле – начале июля 1940 г., следует пойти несколькими путями.

Прежде всего запросить архив ФСБ и архив КГБ РБ с просьбой предоставить доступ к материалам, касающимся данной проблематики. Среди документов, переданных Украиной в 1994 г., имеются те, которые позволяют получить подробные сведения о том, кто был расстрелян, в том числе «украинский список». Следует продолжить изучение и материалов конвойных войск, включая батальоны и полки.

Помимо конвойных списков необходимо использовать списки депортированных в апреле 1940 г. семей репрессированных. Так, к приказу Берии в адрес Серова и Цанавы от 7 марта была приложена форма дела (анкеты) на депортируемое лицо, первым пунктом которой значилось: «Фамилия, имя и отчество главы семьи с указанием места содержания (назвать тюрьму или лагерь для военнопленного)». Если же в списках депортированных не будет указано, где содержался глава семьи, это будет сделать сложнее, но возможно. Придется исключить из списка фамилии семей военнопленных из Козельского, Старобельского, Осташковского лагерей и заключенных из «украинского списка».

Упоминание о «белорусском катынском списке» до сих пор отсутствует в официальной белорусской историографии. Автором была изучена официальная база реабилитированных в Беларуси в 1950–2000 гг. Среди расстрелянных только в Минске поляки составляют 25 %. На пресс-конференции в 2012 г. польская сторона предложила профинансировать участие в проведении эксгумации в тех же Куропатах с участием польских специалистов.

Переговоры с польской стороной идут на протяжении последних лет в абсолютно закрытом формате. В частности, В. Макей встречался с Р. Сикорским в Варшаве 28 августа 2014 года. Совершенно непонятно, почему

представители польской стороны не консультировались ни с одним из белорусских специалистов, которые проводили эксгумации в Куропатах (и первую – в 1988 г., и вторую – в 1997–1998 гг.). В этих условиях с точки зрения целесообразности проведения третьей эксгумации преждевременно. По нашему мнению, сейчас это будет рискованный шаг, который, вроде бы, делается в нужном направлении. Если и были в Куропатах останки расстрелянных в 1940 г. польских офицеров, то их там уже нет. По всей видимости, их уничтожили в предыдущие годы.

Наверное, именно поэтому с такой легкостью власти на фоне полного непризнания проблемы репрессий в Беларуси идут навстречу польской стороне в подготовке эксгумации. Переговоры польской и белорусских сторон проходят в закрытом формате. Можно предположить, что получится так, что в Куропатах разрешат провести очередную эксгумацию. И что это даст? А если тех останков там нет? В Минске 19 мест расстрелов, и это совершенно не значит, что польские офицеры захоронены именно в Куропатах. Тогда была методика: расстреливать партиями в разных местах. Следовательно, надо изучать все известные места расстрелов и захоронений.

А вот какие аргументы у польской стороны: «польская общественность уверена, что они захоронены именно в Куропатах». Так польская общественность и не знает другого места расстрелов в Минске, кроме Куропат. Надо было ей консультироваться с исследователями, которые бы рассказали другое. Автор считает, что основная часть расстрелянных офицеров польской армии захоронена на месте нынешней городской свалки в урочище Благовщина. Она была создана на этом месте абсолютно неслучайно. И когда нам говорят оппоненты «а документы покажите!», отвечаем, что документов, по всей видимости, уже нет.

Здесь только можно проводить следственные действия, искать третьестепенных свидетелей, сопоставлять другие факты. Иного выхода нет, ведь КГБ РБ заявляет, что никаких документов в архиве не обнаружено. И по местам захоронений нигде не разрешен доступ к документам, даже в России (только по отдельным местам открывали, и доступ к архивам там был до недавнего времени свободен). Поэтому преждевременно проводить эксгумацию в Куропатах, не имея для этого достаточных оснований.

Не с Куропат надо начинать! Давайте сначала исключим варианты в других местах. Но польская сторона пока не прислушивается к мнению ряда белорусских историков и не задумывается над проблемой: если белорусская власть в условиях полного отрицания репрессий на своей территории даст согласие на проведение эксгумации в Куропатах, значит, она уверена, что там ничего не найдут.

Приведем несколько аргументов, почему в Куропатах не найдут останков польских офицеров. Первый аргумент: проводились две эксгумации, во время которых вскрывалось 18 захоронений в разных местах Куропат, и ни в одном из них не было знаков отличия, пуговиц, документов польских офицеров. Это формальный признак.

Второй аргумент: в Куропатах – 510 могильных впадин, и когда проводилось вскрытие захоронений еще в 1988 году, археологи пришли к однозначному выводу – все захоронения в предыдущие годы уже раскапывались. И представляла такая картина: допустим, три захоронения с останками, а рядом такие же могильные впадины, но останков в них уже нет.

Поэтому, даже если предположить, что офицеров польской армии расстреляли в Куропатах (а они были военнопленными гражданами другого государства), это как раз такое преступление, которое не имеет срока давности. И могильные ямы в таких случаях как правило вычищали так профессионально, что не оставалось никаких следов преступления.

Согласно белорусскому законодательству любые работы, связанные с эксгумацией, не может выполнять ни одна общественная структура. Фактически у нас раскопки и эксгумации может проводить только 52-й специализированный поисковой батальон Министерства обороны, который подчинен Управлению по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн. Но этому батальону не вменено в обязанности проводить эксгумацию захоронений так называемых «врагов народа».

Как, например, установили места расстрелов в Украине? Исследователи изучили документы из Национального архива по выделению земельных участков в пользование НКВД. Та же Быковня, одно из крупнейших мест захоронений жертв сталинских репрессий, обнаружена была именно по выделению участков НКВД. Все места захоронения так называемых «катынских расстрелов» – Катынь, Медное, Харьков – находятся в районах дач НКВД. Почему так? Потому что в том районе и охрана, и меньше посторонних. У нас, по всей видимости, остается именно этот путь установления мест захоронений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Polskie Dokumenty Dyplomatyczne. 1939 wrzeisien-grudzien* / Red. W. Rojek. – Warszawa : Polski Instytut Spraw Miedzynarodowych, 2007.
2. СССР, Восточная Европа и Вторая мировая война. 1939–1941: дискуссии, комментарии, размышления / отв. ред. и сост. С. З. Случ. – М. : Логос, 2007.
3. Катынь. Март 1940 г. – сентябрь 2000 г. Расстрел. Судьбы живых. Эхо Катыни. Документы / сост. : Н. С. Лебедева [и др.]. – М. : Весь Мир, 2001.
4. *Лебедева, Н. С. Катынская проблематика: итоги и перспективы.* – М. : РОССПЭН, 2015.
5. *Яжборовская, И. С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях* / И. С. Яжборовская, А. Ю. Яблоков, В. С. Парсиданова. – М. : РОССПЭН, 2009.